

Одинокая фигура в широких белых одеждах неторопливо шла по пустыне. Ее походка казалась обычной, но каждый шаг уносил ее очень далеко, ее фигура расплывалась в белую полосу, которая прорезала пространство километр за километром.

Крошечные крылышки света сверкнули белым на лодыжках Лираэль, обнаженные развевающимися одеждами. Осколок, заключенный в них, давал знать о своем присутствии, поскольку нес ее к месту назначения намного быстрее, чем самый быстрый караван, который бороздил дюны. Как один из пяти осколков ее подземелья, он получил усиление ее Домена. Это было источником ее уверенности в том, что она придет на территорию орков без сопровождения. Даже если они отправят Мага Подземелья, чтобы задержать ее, она была достаточно уверена в своей способности сбежать. В конце концов, ее осколок был особенным.

В отличие от осколка Телепорта, который мог быть сдержан любым осколком, который блокировал или коагулировал пространство, ее осколок Сжатия Пространства не влиял на само пространство, а на ее взаимодействие с ним. Если бы пространство можно было воспринимать как решетку с каждым краем решетки длиной в единицу; вместо того, чтобы изменять саму решетку – либо разрывая в ней трещину, либо соединяя один узел с другим – ее осколок изменил значение единицы. Сдвинувшись на дюйм, она прошла милю.

~Сжатие мили до дюйма~

Поскольку они не могли сравниться с ней в скорости, она поместила Игоря и Влада в свое Подземелье, чтобы поспешить. Терпение ее семьи иссякало, и у нее оставалось не так много времени. Песочные часы были перевернуты, и песок быстро кончался. Ее глаза вспыхнули серебряным блеском, и время вокруг нее ускорилося тридцать два раза, ее фигура оставляла постоянные остаточные изображения, когда она мерцала по обширной полосе золотого песка, который переливался белым под палящим солнцем.

Через минуту и несколько сотен миль Лираэль рухнула на теплую песчаную землю, хватая ртом воздух. Со взмахом руки над ней образовалось облако крови, заслонившее ее от резкого солнечного света, когда она лежала на земле, ее грудь тяжело вздымалась, лодыжки болели, а глаза пылали и воспалялись. Использование ее осколков в связке и так часто сказывалось на ней.

Даже с почти бесконечной маной эмбрионального Подземелья, поддерживающей ее использование навыков, осколки не могли использоваться бесконечно без интервалов отдыха. Причина этого заключалась в том, что они были слиты с частями тела мага и, как таковое, чрезмерное использование вызывало усталость в них. Если она преодолет эту усталость и перегрузит свои осколки, то рискует серьезно поранить их. Тогда дело было бы не только в исцелении осколков маной.

Этот период отдыха был технически назван кулдаун, и у каждого осколка был свой собственный характерный кулдаун. Каждый маг, заслуживающий внимания, должен был знакомиться с кулдаунами своих навыков и следить за ними. Лираэль никогда прежде так не злоупотребляла своими пространственно – временными осколками. Итак, это был опыт обучения.

Закрыв глаза, она тщательно смаковала это чувство, записывая его в уме для дальнейшего обдумывания. Знание своих пределов позволит ей адаптировать свои будущие стратегии, улучшая их.

Используя свое чувство маны, чтобы заглянуть внутрь себя, она наблюдала осколок Сжатия Пространства, который слился с ее лодыжками, и осколок Ловкости, который слился с ее глазами – оба на уровне 5; оба они были частями ее Подземелья.

Трещины покрывали прозрачный кристалл, встроенный в ее лодыжки с обеих сторон. Четыре отдельных куска одного и того же осколка резонировали друг с другом, не обращая внимания на пространство между ними. Под потоком ее фиолетовой маны трещины быстро смыкались. Несмотря на то, что она довела себя до травмы, ей удалось остановиться перед краем.

Удовлетворенная, она переключила свое внимание на крошечные осколки серебряного кристалла, которые находились в ее слезных протоках. Осколки Ловкости были относительно обычными осколками с несколькими животными, конденсирующими их. Увеличивая поток времени вокруг своего пользователя, они, по сути, ускоряли их. На уровне 1 он ускорял поток времени в два раза, и для каждого последующего уровня количество, которое он мог ускорить,

увеличилось в два раза. Восприятие, рефлексы... это было всестороннее усиление. Единственной причиной их непопулярности было количество маны, которое они поглощали при каждом использовании. Осколок уровня 1 мог осушить красного мага верхней ступени в течение минуты после его использования, а осколок уровня 5 мог осушить фиолетового мага верхней ступени за ту же продолжительность. Таким образом, у Лираэль никогда не было возможности проверить его перезарядку. Но теперь, когда в ее распоряжении была бесконечная мана ее Подземелья, она намеревалась попробовать.

К несчастью для нее, прежде чем она смогла осуществить свое желание, ей пришлось деактивировать навык. Вместо того чтобы остыть, ее осколок достиг другого предела. У него кончилась еда.

В зависимости от источника осколка, у различных осколков Ловкости были широко различные диеты. Ее пил слезы. Она получила его от Плакучей Ивы - жуткого дерева, которое захватывало живых существ своими гибкими древесными лозами и питалось их страданиями; обильно плача чертами лица, выгравированными на его стволе. Осколок был причиной того, что хлещущие лозы было почти невозможно избежать.

Лираэль вздохнула и моргнула; ее сухие веки, словно наждачная бумага, царапали глаза. Она сомневалась, что найдет хоть что-то, хоть отдаленно напоминающее глазные капли посреди пустыни.

Ее истощение отступило, когда большая часть камня Бытия, который составлял ее подземелье, испарилась, чтобы пополнить ее запасы, которые были израсходованы, чтобы исцелить ее пространственный осколок. Прямо сейчас ее "бесконечная" мана была фактически основана на потреблении основы ее мира. До тех пор, пока она не сможет продвинуть свое эмбриональное царство в настоящее Подземелье, она не сможет создать свой собственный камень Бытия, и ее мана будет похожа на воду без источника.

Если бы не время, она предпочла бы путешествовать более мирскими способами, но обстоятельства не позволили ей сделать такой выбор.

Жалуясь на свою судьбу, она ничего не добьется, поэтому с ворчанием она поднялась на ноги. Проверив на них свой вес и убедившись, что они вполне пригодны, она снова отправилась в путь. На этот раз в гораздо более размеренном темпе, который сбалансировал скорость и усталость. Тир был огромен, а Множество Ядов лежали далеко.

Вслед за ней облако крови исчезло под ярким солнцем, не оставив после себя никаких следов.

Сэнд скатился с горы, сопровождаемый щелканьем лишенных плоти челюстей преследователей.

Он исследовал гору, пытаясь получить представление о местности и, надеясь вывести что-нибудь, что поможет ему разгадать тайну Подземелья. К несчастью, не успел он отойти далеко, как его обутая в сапог нога с хрустом наступила на что-то под снегом.

Посмотрев вниз, он увидел пустые глазницы покрытого снегом черепа, уставившегося на него. Он только успел заметить, как ярко красный снег контрастировал с выбеленной костью, прежде чем скелет напал. Очевидно, сломанное запястье не настроило его на дружеский лад.

Даже не имея оружия, Сэнд был более чем способен справиться с базовым скелетом, поэтому спустя несколько ударов и два добивающих удара позже, несчастная нежить была разобрана на составные части. Сэнд только устроился поудобнее, чтобы исследовать все еще дрожащие кости существа, когда его друзья появились на их празднике.

Опасаясь навлечь на себя гнев Костяного Монстра, если он бессмысленно убьет его подчиненных, Сэнд благоразумно решил отступить, но упрямые твари вбили себе в пустые

головой мысль безжалостно преследовать его, утомив и заставив убить еще двоих, у которых были относительно целые конечности.

Быстро подбежав к краю оврага, он начал спускаться вниз.

Первые несколько шагов были не так уж плохи, в скале виднелась тропинка, протоптанная по тающему снегу, но потом спуск стал труднее. К счастью, скала была разрушена, с большим количеством хороших опор для рук и ног, и месяц упражнений в шахтах дал ему достаточно сил для подъема.

Чем ниже он спускался, тем круче становился утес. Хуже того, из-за низких температур красный снег превратился в слой кровавого льда, который покрывал скалы, делая каждую поверхность скользкой, что резко увеличивало опасность его падения. Чтобы предотвратить холод и обморожение, Сэнд должен был постоянно разлагать часть своей маны в тепло. Тепло, исходящее от него, растопило снег и иней вокруг него. Хотя это было хорошо для обеспечения того, чтобы он не поскользнулся на льду, это вызвало новые трудности в виде потоков грязи, которые стекали по его рукам и впитывались в его рубашку, заставляя ее цепляться за него с неудобной холодной влажностью. Резкий запах крови раздражал нос.

Подняв глаза, он увидел несколько скелетов, спускавшихся с утеса над ним. Они были многочисленны и разнообразны. Человек, зверь, смесь того и другого, они двигались медленно, ни у одного из них не было целых конечностей, но они, казалось, умудрялись медленно спускаться вниз, вонзая острые костяные шипы, которые прорастали из них, в скалу.

Сэнд попытался спуститься быстрее, его правая нога нащупала узкий выступ, выступавший примерно на дюйм от скалы. Перенеся на него свой вес, он нащупал левой рукой точку опоры. Его левая нога нашла трещину в стене, в которую он мог просунуть пальцы ног, и он продолжал ползти вниз по стене. В какой-то момент камень, за который он держался, сорвался под его весом и упал, отскакивая от скалы, но ему удалось удержаться другой рукой. Его желудок скрутило, он нашел другую опору.

Он был всего в нескольких футах от дна, когда удача отвернулась от него.

Втиснутую в узкую расщелину в скале, правую ногу Сэнда, обутую в сапог, свело судорогой, когда он отнял левую ногу от опоры. Но следующая точка опоры была слишком далеко. Его пальцы дрожали, выдерживая большую часть веса его тела. Стиснув зубы, он отпустил опору левой рукой, на мгновение освободившись, прежде чем его левая нога с глухим стуком ударилась о выступ.

Перенеся весь свой вес на конечность, он развернулся и прыгнул вниз, истекая кровью от удара, заставившего его присесть на корточки. Не оглядываясь, он бросился прочь.

Сэнд спустился с утеса, надеясь, что местность уберезет его от них. Он поморщился, услышав удар кости о камень позади себя, когда скелеты прыгнули вниз. Очевидно, этого было недостаточно для устрашения.

- По крайней мере, теперь я точно знаю, что в формуле подземелья есть Костный Мозг Нежити, - со вздохом утешил он себя. - Хотя он и не полностью сросся.

Какими бы медленными ни были ожившие скелеты, Сэнд должен был легко обогнать их, но в населенной нежитью земле боялись не скорости, а количества. Жуткое клацанье их челюстей было некромантическим боевым кличем, который поднимал скелеты, дремавшие под снегом, где бы он ни раздавался, и все больше и больше из них присоединялось к погоне.

Вскоре он был окружен неуклюжими костями со всех сторон. Стиснув зубы, он прекратил попытки убежать. Изменив направление, он атаковал костяной полк. Мастер Подземелья не могла не знать о том, что происходит в ее собственном мире. И то, что он умрет так скоро после ее покупки, было по меньшей мере расточительно.

Значит, если это не случайность, и она не хочет, чтобы он умер, значит, она хочет, чтобы он сражался. Она сохранит ему жизнь в критический момент. Придя к выводу, Сэнд полностью

освободился от оков и прыгнул в скелетов со всей своей подавленной яростью, тщательно настраивая свое выступление, чтобы оно находилось прямо между "отчаянным размахиванием" и "талантливым бойцом". Плечи, локти, колени, ступни, правый кулак и даже голова превратились в оружие, когда он атаковал суставы, в то время как его модифицированная левая рука ломала тонкие кости и сокрушала черепа.

Он яростно атаковал, не думая о защите, и раны навалились на него, окрашивая его пропитанную кровью рубашку в более глубокий оттенок красного. Его уровень маны быстро снизился, поскольку она была поглощена, чтобы усилить его физическую силу. Его легкие были похожи на мехи, дыхание - на пар, а глаза расширились в панике загнанного в угол зверя.

Скелетам не было конца.

Уверенность Сэнда поколебалась. «Я ошибся?» - подумал он. «Это был несчастный случай?»

Теперь, когда он предпринял свое безрассудное нападение, у него не осталось сил, чтобы попытаться прорвать блокаду в одном направлении, используя свои превосходные боевые навыки. «Чтобы не выдать, я убил себя?»

Его взгляд стал острым. «Нет!»

С громким криком он бросился на скелет зверя со скорпионьим хвостом, отведя левую руку назад. Если удар попадет в цель, он, без сомнения, размозжит твари череп, но хвост пронзит ему голову. Они погибнут вместе.

Время, казалось, замедлилось, когда кончик хвоста увеличился в его глазах. Перед смертью он испытал лишь легкое разочарование. Это было слишком рано, он только начал свою вторую

жизнь. Он хотел бы путешествовать дальше, увидеть новые вещи, достичь границы, которой он не достиг раньше... выполнить свое обещание...

Из глубин памяти всплыла фигура морщинистого старика с заиканием. «Обещай мне... о-обещай, что освободишь нас всех...»

«Прости, брат, но, похоже, и на этот раз я не смогу сдержать свое обещание.»

Рев разнесся по горам, отражаясь эхом от скалистых стен. Где бы ни раздавался звук, мириады существ мгновенно застывали во льду. Внезапно яростная битва превратилась в поле замороженных скульптур. Звуки затихли. Наступила тишина.

Пойманный в ловушку под слоем льда, Сэнд почувствовал, как остатки его маны быстро убывают, пытаясь согреть его.

Легкий треск нарушил покой застывшей сцены; затем еще один, и еще... со звуком бьющегося стекла каждая скульптура разлетелась на мелкие кусочки. В воздухе летал ледяной порошок, превращая свет в радугу. Кровавый снег, свет семи цветов и замерзший человек посреди этого, застывший в позе битвы. Сцена внезапно стала сюрреалистической.

Сэнд почувствовал, как холод проникает в него, замораживая его мысли. Остатки его красной маны вспыхнули, как угасающее пламя. Затем он почувствовал, как что-то приземлилось на его замерзшую голову, и лед рассыпался в пыль, освобождая его из заточения.

Он упал на четвереньки, хватая ртом воздух, его зубы стучали от холода, а кожа посинела ото льда. Заметив краем глаза какое-то движение, он с трудом поднял голову.

Там, на большом валуне, стоял его спаситель. величественный синий лев, его белая грива развевалась на ветру, когда он царственно смотрел на него. Хотя Сэнд знал силу зверя. Хотя он знал, что это такое и что оно собой представляет, он не мог сдержать невольного веселья.

Он расхохотался. Громкий хохот, от которого у него защемило в боку. Он не знал, было ли это больше из-за изменения его положения в течение дня, или его молодое тело, наконец, праздновало свой первый побег из челюстей смерти. Но он не мог перестать смеяться, даже когда лев угрожающе зарычал на него.

И все потому, что он был размером с его ладонь.

<http://tl.rulate.ru/book/26354/553248>